

Роберт Стураа:

«ГДЕ-ТО ЗАПИСАНА НАША СУДЬБА»

В Театр имени Шота Ртвишвили никак надо ходить осторожно. Реставрируется часть здания, что пострадала в те дни, когда на проспекте бушевала война. Настоящая. Безжалостная... А в кабинете директора в художественно-руководителя тако, уютно. У стола, а у стола — зеленая летучая сербы. Я прищелкнула, чтобы забыть несколько вопросов толкнув кабинет. Он сел накрывшись, и все перестало отекать мое дыхание, поскольку собеседник — Роберт Стураа.

— Батона Роберт на так давно по календарю — по понятиям и вечною назад — по событиям мы дали в Халевский интервал для «Музыки». В нем было много интересного. Но тогда календарем повелевалось вам ответ на вопрос о политической ситуации в Грузии. Теперь вы — в своем родном городе, пережившем столько потрясений. Что вы скажете о дне нынешнем?

— То, что сейчас происходит в Грузии, меня очень обижает, но в то же время и беспокоит. Декабрьско-январские события не могли не оставить след в памяти каждого грузина. Я боюсь показаться безразличным, но то, что случилось, мне кажется, было неизбежно и необходимо. В жизни каждого человека, каждого народа наступает пора, когда надо встать на самое себя, понять, какие болезни подтачивают, попытаться избавиться от пороков и идти дальше. Конечно, в таком размышлении есть элемент кощунства, так как цена избавления — кровь — кровь молодых.

Сейчас у части населения бытует мнение, что новая власть не вправе руководить, поскольку она не избранна и пришла и упрямлению в результате военного переворота. Я тоже не постеснялся бы назвать это событие переворотом. Но был ли иной выход? По-моему, нет. Скажите, а как можно было бороться с Гитлером, кроме как не воинским способом? Есть моменты, когда это допу-

стимо. Однако в таком случае добро, демократия сталиваются с дилеммой: если взять оружие, значит, будет кровь. Но как иначе прийти к избавлению?

Страны, которые аступают на путь свободы, еще не обладают политическим опытом разрешения сложных проблемным способом. Хотя, если обратиться к истории, мы увидим: всего сто лет назад в Америке свирепствовала гражданская война. Лилась кровь.

— Печально, но все так. Весь прошлый год я была прикована к лампе радио и телевизору. Слушала и увидела, откуда такая озлобленность, как можно можно падать и докучать! Где предел! Колодец оказался бездонным.

— К сожалению, у зла нет предела. У добра есть.

— Вы знаете, где предел добра?

— Знаю только, что оно беспрочно там, на небесах. На земле же ограниченно.

— И все же то, что вы ушли, надеюсь, безвозвратно. Пришла весна, оживил театры, зашуршали машины, пригласили нас на выставки, в концертные залы... Расскажите, пожалуйста, о ваших творческих планах и о планах театра, которого Бог уберет в те дни от разрушения.

— В какой-то мере — уберет. Хотя пострадал малый зал, фасад, часть мастерских. Но на фоне остальных руин, что и говорить... Что касается планов... Наш театр заключил с ЭКСПО-92 договор в Севилье об участии в театральном фестивале, который будет проводиться в рамках Года Колумба и Олимпиады. На фестивале должна быть представлена только испанская драматургия. Мы выбрали «Жизнь есть сон» Кальдерона. Но оказалось, что над этим произведением работает мадридский театр, и меня попросили поискать другое. Пришлось поспешить с этим условием. Однако полгода назад я получил телеграмму, где сообщалось, что мадридский театр не ставит этот спектакль. Это очень приятное сообщение, так как меня многое привлекает в пьесе, и к тому же она оказалась необычайно актуальной для Грузии.

Пьеса сложна, сроки поджимают. А недавно я узнал, что Георгий Александрович Товстоногов собирался ставить именно это произведение. Так как он учил моего учителя (М. Туманшвили), я, соответственно, считаю себя как бы его внуком в режиссуре (ну, конечно же, не таким, как он). И этот спектакль в какой-то мере будет посвящен также и его памяти.

В Испании мы должны сыграть только Кальдерона, семь спектаклей, затем коллекция театра вернется в Тбилиси, а же прямо оттуда лечу в Лондон, где 27 июля у меня первая репетиция «Гамлет».

— Покажите, что подробнее о вашем «Гамлете». Где вы собираетесь его ставить и кто в главной роли?

— Я не хотел ставить в традиционном театре и поэтому выбрал помещение театра-студии. В нем нет сцены, я могу рассадить зрителя, как хочу. То есть я выбрал такое помещение, которое дает возможность для экспериментов. Гамлет будет играть Алан Рикман, известный, популярный артист. У него несколько блестящих ролей в кино. Очень нетрадиционный, похожий, будет Гамлет. Посмотрим. Премьера должна состояться 7 сентября.

— Испания, Англия, а что у нас в Грузии?

— Спектакль по Кальдерону, если он, конечно, получится, будет в репертуаре нашего театра. Вернувшись из Лондона, я должен завершить «Трагическую оперу» Брехта. В ноябре вновь Англия. В Королевском Шекспировском театре ставлю «Тележку с яблоками» Бернарда Шоу.

И еще у меня есть идея, которую очень хочу осуществить в нашем театре. Создать спектакль, посвященный памяти Мераба Мамардашвили, и написать пьесу (пока самому, затем — с соавтором) по его философским произведениям. Если мне это удастся, конечно, поскольку это столь же сложно, сколь и интересно. Простому человеку читать произведения Мамардашвили нелегко, а мне хотелось бы, чтоб с его личностью познакомились люди. Поняли бы, что это был за человек и насколько феноменален его талант, талант мыслителя.

Но как это сделать? Сюжет здесь невозможен. Я предполагаю, что это должна быть беседа. Он и сам считал, что философ не учит, а беседует с людьми. И если я смогу параллельно с этими беседами придумать театральное действие, как бы иллюстрирующее его идеи, то тогда можно будет думать о постановке.

— В вашем желании донести до нас мысли философа в сценической интерпретации, как мне кажется, суть вашего творчества. Вы умеете переводить самые сложные идеи и мысли в доступное, увлекательное зрелище. Но вернемся к Кальдерону. Видимо, его пьеса дает большие возможности и в зрелищном плане!

— Кальдерон открыл мне совершенно новый мир. С рошей драматургией происходит чудо. Когда ее читаешь — одно ощущение, когда же начинаешь работать над спектаклем, оказывается, что тот мир, что сотворен в пьесе, отсутствует в тексте, и лишь на сцене ты можешь его разгадать. Кальдерон сегодня для меня — одно из самых загадочных явлений.

Те проблемы, которые в этой пьесе актуальны, в своем узком, что ли, смысле, меня не интересуют, хотя они есть и будут здесь. Но взгляд автора из временного «далека» на те же и другие проблемы — это уже иное. В этой пьесе мне, кажется, соприкосаюсь с загадкой самой жизни, с самыми основными вопросами нашего бытия. Для чего мы живем, как жить, зависит ли наша воля от нас самих? События ли мы меняем то, что, очевидно, задано кем-то божественным, неким провидением?

— И Кальдерон дает на это ответ!

— Он дает возможность выбора. И да, и нет, говорит автор. Более того, он считает, что если люди будут соблюдать нравственные законы, законы морали, все равно может оказаться, что и это не спасет.

— Значит, он нас лишает и такой опоры!

— Видимо, люди созданы для того, чтобы страдать и мучиться, искать истину... не

находить. Мы должны искать ее, но не должны отчаиваться, если не найдем. Я не знаю пока, к какому приду заключению. Все еще в процессе работы. То, что происходит с героями пьесы, происходит и с нами. Со мной, с актерами. Мы пытаемся докопаться до истины, хотя бы до части ее... К тому же очень привлекательна сама испанская поэзия и испанский, так сказать, взгляд на мир. Такой сложный, трудный, болезненный и одновременно бесшабашный, юмористический.

В этом спектакле, мне кажется, должна быть размыта грань между сном и явью. В жизни мы попадаем порой в такую ситуацию, когда суть явления ускользает от нас. Вблизи ее еще можно разглядеть, а там, дальше, — не ясно, все не ясно. Как во сне. Мысли, которыми дышит эта пьеса, также сложны для разгадки. Мне кажется, что этот спектакль еще и о том, что мы не должны быть обуреваемы гордыней, уверенностью, что все знаем или способны все узнать. А если и не узнаем — то совсем и не страшно.

— Каким же сложным и мучительным путем вы идете! И все это мысли, требующие своего сценического воплощения...

— Ну, мы, режиссеры, научились хорошо говорить. Гораздо сложнее перенести все это на сцену. На все вопросы в итоге ответит спектакль. Конечно же, мне хотелось бы, чтобы он получился хотя бы нормальным. Но если не удастся, то я вновь обращаюсь к этому драматургу, поскольку проблемы, которых он касается, меня все равно будут волновать, пусть даже они будут не столь созвучны событиям в Грузии.

— А проблем у нас так много, и все первоочередные и трудноразрешимые.

— Вот одна из них: чтобы люди не забыли — не хлебом единым жив человек. Из хлеба многим очень плохо живется, и я боюсь, что это может вызвать какую-то реакцию, все же важно, что в этих тяжелых испытаниях народ не потерял самое себя, свою духовность, свою самобытность. Я в какой-то мере фаталист и верю, что где-то

записана дальнейшая судьба нашей маленькой страны. И хочется, чтобы все было так, как этого желают те, кто действительно способен думать, любить, понимать. Иначе... греки нам возвращаются в страшном виде.

И еще об одном из самых неприятных для меня открытий. В последние годы оказывается, что у нас очень мало компетентных специалистов. И потому сейчас самое главное — вернуть знания. Возможно, надо начинать все сначала, как это было в XIX веке. Тогда молодые уезжали, возвращались и здесь создавали то, что надо было создавать.

— Батона Роберт, я слышала, что возник молодежный культурный центр и вы, а также кинорежиссер Эльдар Шенгелая, — президенты этого центра.

— Мне кажется, что наша молодежь как-то безнадёжно смотрит в будущее. Учится апоспиль, что делать дальше — многие не знают. Вот и возникла у нас еще и вместе с художником Георгием Месхишвили мысль о создании такого центра. Здесь молодые художники, актеры, композиторы, драматурги, кинорежиссеры могли бы работать, искать, экспериментировать. Художники могут устранять свои выставки, драматурги — уводить свои пьесы на сцену. Я хочу собрать молодых режиссеров, и пусть два года они свободно экспериментируют, ищут, ставят. Но, конечно же, предельно они должны защитить свой выбор. В общем-то, здесь масса возможностей для молодых и, очевидно, можно больше сделать, чтобы заинтересовать их, помочь им. Но еще много вопросов вокруг этого центра, требующих своего разрешения. Так что посмотрим.

После театра, я оглянулась и перазлилась в который уже раз. Странно, огонь так апоспильно приближался к зданию... не смог поглотить его. Конечно же, дом спасали люди, но хочется верить, что мы поможем провидению. Ведь это тот театр, со сцены которого не раз звучала молитва о добре.

Нэлли ШУРГАЯ.
ТВИЯНСИ.